

СЕМЕН ГУДЗЕНКО – поэт, фронтовик, гражданин

5 марта – 99 лет со дня рождения русского советского поэта и журналиста, военного корреспондента

Семена Петровича Гудзенко

(5 марта 1922, Киев – 12 февраля 1953, Москва)

5 марта исполнилось бы 99 лет Семёну Петровичу Гудзенко. Он прожил до обидного короткую жизнь, но оставил очень яркий след в литературе. Его стихи, прочитанные лишь однажды, навсегда остаются в сердце кровоточащей болью о погибших солдатах и жестокости войны. У многих на слуху такие строки, как: «Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели», «Когда на смерть идут, – поют, а перед

этим можно плакать...», «Я был пехотой в поле чистом, в грязи окопной и в огне»... В художественном фильме «Цыган» Будулай исполняет на гитаре песню, в которой звучат три четверостишия из «Моего поколения». Творчество Семена Гудзенко – это голос целого поколения людей, чью жизнь навсегда захватила и целиком определила война. Сквозь его биографию проступает биография поколения, которое со школьной скамьи самоотверженно ринулось в битву и, жертвуя всем, вплоть до жизни, вынесло на своих плечах тяготы и горе войны; поколения, которое, мужая, закаляясь и становясь суровее, прошло всю грандиозную дорогу сражений, побед и утрат.

Семен Гудзенко родился 5 марта 1922 года в Киеве. Как у истинного поэта, биография Гудзенко отчетливо проступает в его стихах: «Но и в сугробах Подмоскovie и в топях белорусских рек был Киев первою любовью, незабываемой во век» Его отец, Пётр Константинович Гудзенко, был инженером; мать, Ольга Исаевна, – учительницей. Мать дала сыну изысканное имя Сарио, но оно как-то не прижилось, и все звали мальчика Сариком. Семеном он стал в сорок третьем году, решив, что у поэта-фронтовика имя должно быть под стать суровой эпохе. Сарио звучало как-то опереточно, Сарик – по-детски, Семен – то, что надо: весомо, по-мужски. Сменить имя посоветовал Эренбург. Когда его в 1943 году дружно опубликовали «Знамя» и «Смена», поэт писал матери: «...не пугайся, если встретишь стихи за подписью «Семён Гудзенко», — это я, так как Сарио не очень звучит в связи с Гудзенко. Надеюсь, ты не очень обидишься...»

Стихи писал с пяти лет. В 1929-м пошел в школу, учился в киевской школе №45. Будучи школьником, посещал литературную студию Дворца пионеров. Его товарищ по студии Теодор Волынский вспоминал о Гудзенко: «Он обладал удивительной памятью, знал сотни строк разных поэтов: и Киплинга, и Вийона, и Саша Черного, и Анненского, и, конечно же, классиков русской литературы. С ним чаще, чем с другими, любил по-доброму полемизировать наш руководитель — литературный критик

Евгений Адельгейм...» Первые стихи писал на украинском (пробовал писать и на идише). В 1937 году за стихи, написанные к столетию смерти Пушкина и опубликованные в мартовском номере журнала «Молодая гвардия», его наградили путевкой в Артек. В 1939 уже юный талантливый поэт переехал в Москву и поступил в Институт философии, литературы и истории (знаменитый ИФЛИ). «Провинциал в ковбойке и широких парусиновых брюках. Рукава закатаны выше локтя. Обнажены крепкие загорелые руки. Он приехал в Москву из теплого зеленого Киева. Он мечтает быть поэтом беспокойным и бушующим. Таким я был в августе 1939 года в Москве, у Киевского вокзала».

Еще до войны Гудзенко записал в дневнике: «Если не задыхаешься в любви и горе, стихов не пиши...» Он зачитывался Дж. Лондоном и Э. Хемингуэем (одну из глав своей последней поэмы «Дальний гарнизон» он назовет «Здравствуй, оружие!», будто полемизируя с хемингуэевским романом). Увлекался Маяковским (вскоре разочаровался), подражал Багрицкому, восхищался Тихоновым, изучал Хлебникова, ревниво следил за Симоновым. Пастернак казался ему чужим, претенциозным, но после того, как он увидел и услышал Бориса Леонидовича в декабре 1942 года, отношение его кардинально изменилось. Из письма матери (16 декабря 1942): «Был вчера в Клубе писателей на вечере Б. Пастернака. Он читал великолепные стихи. Впечатление огромное». 26 мая 1941 года он завел дневник. В шутку назвал его «Жалобной книгой». Успел записать одну жалобу, обычную для бедного студента: «Нет денег, и не у кого занять». К началу войны успел окончить два курса.

Высокий, широкоплечий, загорелый, зеленоглазый, в коричневом пиджаке и парусиновых брюках - таким Гудзенко пришел на стадион «Динамо», где в первые недели войны формировалась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения - спецназ 1941 года. Бригада формировалась для разведывательных и диверсионных действий. Это было совершенно новое для нашей армии элитное подразделение (всего бригада насчитывала около тысячи человек). Отбирали туда прежде всего спортсменов, причем такого уровня, как братья Знаменские, самых крепких, сообразительных, с хорошим знанием немецкого. В ОМСБОН взяли довольно много ифлийцев (из самых известных — Юрий Левитанский, В.Кардин). Как же туда попал 19-летний студент второго курса литфака Гудзенко? Объяснение простое: при отборе ценилась не только физическая подготовка, но и психологическая устойчивость, творческий склад ума, способность быстро принимать решения, знание языков, коммуникабельность. Все это было у Гудзенко. Он знал языки, был общительным, неунывающим, остроумным, начитанным. Если добавить к этому невероятное обаяние и надежность, которую он излучал, то сразу было понятно: с таким парнем можно идти в разведку. Гудзенко можно по праву назвать первым поэтом советского спецназа.

Ребят готовили по ускоренной программе, из рекордсменов и филологов - разведчиков и подрывников. Основными предметами, кроме огневой подготовки, рукопашного боя и неизбежной строевой, было саперно-подрывное дело. В.Кардин вспоминал о Гудзенко: «Он любил порядок, аккуратность. Поэтому, вероятно, легко принял армейский быт, дисциплину. Первым среди нас, вчерашних студентов, вышел в чины — получил ефрейторское звание...» Два-три месяца ускоренной подготовки, и отряды омсбонцев уходили в тыл врага. В сентябре-октябре их готовили к уличным боям в Москве. Немцы рвались уже не к Москве, они рвались в Москву, в бинокли рассматривали город. 6 ноября курсанты приняли присягу во дворе Литинститута

(там дислоцировалась тогда 1-я рота 2-го полка). 7-го прошли по Красной площади (легендарный парад!). 8 ноября рота, в которой служил Гудзенко, была уже в прифронтовой полосе.

Омсбонцев небольшими отрядами забрасывали на оккупированную территорию Калужской, Смоленской и Брянской областей. Отряды состояли только из добровольцев, связанных крепкой дружбой. В боевой обстановке важно было понимать друг друга без слов. Переходили линию фронта на лыжах, пробирались глухими лесами. У каждого за спиной - по пятнадцать килограммов тола плюс оружие. Подрывали мосты, минировали шоссейные и железные дороги, забрасывали гранатами немецкие штабы. Гудзенко по штатному расписанию был пулеметчиком и потом не раз со своим «дегтярем» прикрывал отход товарищей. Матери писал: «Служу в войсках НКВД в Особом отряде». Командир вспоминал потом о Гудзенко: «Семен был первым номером ручного пулемета и командиром отделения. Гудзенко многим спас жизнь, не раз выручал своих товарищей...»

ОМСБОН отличался особенной воинской спаянностью. В бригаде возникли свои ритуалы, традиции, в том числе и литературные (раз в неделю устраивались вечера, лекции, встречи с писателями). В бригаде был свой джаз-оркестр, каждое подразделение имело свою «фирменную» песню, что-то вроде гимна. Бригадная газета «Победа за нами» делалась ярко, броско и поражала разнообразием жанров. В. Кардин вспоминал, что первое произведение для родной многотиражки они с Семёном написали вместе. Это был детектив. Шпионский детектив новоявленных Ильфа и Петрова печатался с продолжением из номера в номер. В эфир выходила радиогазета, которую тоже готовили ифлийцы. Проводы диверсионно-разведовательных отрядов в тыл врага проходили без казенных формальностей, в обстановке дружеских подначек и душевных напутствий. «Отряд, не внесенный в списки, Ни знамен, ни значков никаких...» – писал Гудзенко. Личные вещи, документы — все оставляли на Большой Земле, товарищам.

Из записных книжек Семена Гудзенко:

«Ноябрь 1941: Это было первое крещение. Первые убитые, первые раненые, первые брошенные каски, кони без седоков, патроны в канавах у шоссе. Бойцы, вышедшие из окружения, пикирующие гады, автоматная стрельба. Погиб Игношин. На шоссе у Ямуги».

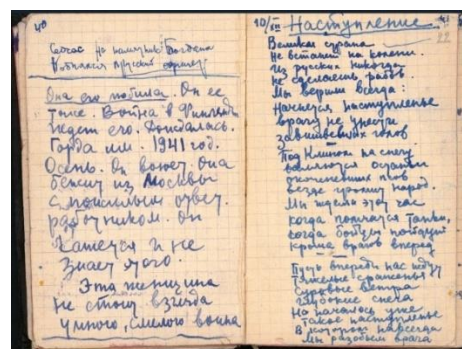
«Проза Дж.Лондона и стихи Н.Тихонова стали евангелием ифлийцев-бойцов. Мы лежим на снегу. «Ваше слово, товарищ маузер»,— сказал, улыбаясь одними глазами, парень. Грянул выстрел. Маяковский воюет».

«Война – это камень преткновения, о который спотыкаются слабые. Война – это камень, на котором можно править привычки и волю людей. Много переродившихся людей, ставших героями».

«Декабрь 1941: Снег, снег, леса и бездорожье. Горят деревни. Бой под Хлуднево. Пошли опять 1-й и 2-й взводы. Бой был сильный. Ворвались в село. Сапер Кругляков противотанковой гранатой уложил около 12 немцев в одном доме. Крепко дрался сам Лазнюк в деревне. Лазарь говорит, что он крикнул: «Я умер честным человеком». Какой парень. Воля, воля! Егорцев ему кричал: «Не смей!» Утром вернулось 6 человек, это из 33. Три дня - и нет такого отряда. Хлебников написал: «Когда умирают люди - плачут». Я бы плакал, но не умею.

Идем в Рядлово. Я выбиваюсь из сил. Лыжи доконали. Отдыхаю. 2-го утром в Поляне. Иду в школу. Лежат трупы Красобаева и Смирнова. Не узнать. Пули свистят, мины рвутся. Гады простреливают пять километров пути к школе. Пробежали... Пули рвутся в школе. Бьет наш «максим». Стреляю по большаку. Немцы уходят на Маклаки. Пули свистят рядом».

2 февраля 1942 года Гудзенко был ранен в живот осколком мины. Кто-то из друзей потом заметил: «пушкинское ранение». «Ранен в живот. На минуту теряю сознание. Упал. Больше всего боялся раны в живот. Пусть бы в руку, ногу, плечо. Ходить не могу. Бабарыка перевязал. Рана - аж нутро видно. Везут на санях. Потом довезли до Козельска. Там валялся в соломе и вшах», – написал поэт дрожащей рукой в военных записках, которые были впервые опубликованы уже после его смерти. Бригадный врач вспоминал: «Семён Гудзенко страдал терпеливо и мужественно. Он сказал мне: – Одно прошу: не старайтесь меня ободрить, от этого только хуже. Знаю, что ранения в живот обычно смертельны. У меня хватит силы умереть с сознанием выполненного долга перед партией и товарищами. Это были слова настоящего зрелого бойца. И, может быть, поэтому наши глаза остались сухими. Только неприятный комок подступил к горлу. Семён был ранен в разведке. Как это произошло — он не рассказывал. Лишь вспоминал и жалел погибших в бою друзей. – Три дня – и нет такого отряда, – сокрушался он. К счастью, в тот раз предчувствие обмануло поэта-бойца: он поправился...» Из письма Гудзенко матери: «Все у меня в полном порядке. Ранен я был в живот. Касательное ранение только мягких тканей...» Лежал в медсанбате в селе Березичи под Козельском. Потом его перевезли в госпиталь на станции Шилово в Рязанской области.

Записная книжка Семена Гудзенко.
1941-1942. Фото: РГАЛИ

Долечиваясь в Москве после тяжелого ранения, он читал стихи в госпиталях, студенческих аудиториях, цехах. Люди переписывали их от руки, посылали друг другу в письмах. Знакомится с Антокольским, а 9 мая 1942 года – с Эренбургом, которого впоследствии считали первооткрывателем такого необыкновенного таланта. Из воспоминаний Эренбурга: «Это поэзия – изнутри войны. Это поэзия участника войны. Это поэзия не о войне, а с войны, с фронта. Его поэзия мне кажется поэзией-провозвестником... Он принадлежит к тому поколению, которого мы еще не знаем, книг которого мы не читали, но которое будет играть не только в искусстве, но и в жизни решающую роль». В мае 1942-го в центре Москвы поэта сбила машина около печально известного здания на Лубянке. Он получил тяжёлую травму головы и снова лечился.

После госпиталя его признали негодным к строевой. С июня 1942-го он служит в редакции газеты ОМСБОНа «Победа за нами». В редакции его давно знали, он с осени сорок первого печатался в ней под псевдонимом «П.Гударов». В письме маме 15 ноября 1942 года сообщает: «Я сейчас в Москве. Много, очень много пишу. Печатаюсь. Кое-что посылаю». В 1942-м году создаются новые стихи Семена Гудзенко такие, как «Товарищи», «Первая смерть», да и многие другие, в которых автор пишет о своих ровесниках на войне, фронтовых друзьях. В Москве, где еще действует комендантский час (декабрь 1942-го!), у молодого поэта проходит два вечера: в Литинституте и в клубе МГУ. 6 декабря пишет матери: «Недавно читал стихи в Лит.институте им. Горького, слушал их и Н.Н.Асеев. Очень (неожиданно для меня) хвалил их. Читал я многие ненапечатанные. Завтра читаю на вечере в Московском ун. им. Ломоносова...»

21 апреля 1943 года прошел творческий вечер Гудзенко в московском Клубе писателей. В зале собрались все литераторы, которые не ехали в эвакуацию или уже вернулись из нее. Об этом вечере потом рассказывали легенды. На другой день Гудзенко писал матери: «Вечер прошел неожиданно прекрасно. Я не думал, что так все это будет. Говорят, что два года не было столько народа...» Представлял

двадцатилетнего поэта Павел Антокольский: «О его стихах я ничего не буду говорить – вы их сами услышите, они сами за себя говорят. Мы встречаем здесь Гудзенко как сына...» Герой вечера пребывал в невероятном напряжении и возбуждении. Когда он заговорил, в зале установилась мертвая тишина. Молоденький парень, вчерашний студент, рассказывал такие вещи, о которых фронтовики предпочитали не вспоминать и много лет спустя после войны. Уже после того, как Семён прочитал стихи, одна писательница сказала: «Как будто с человека содрана кожа...» Из выступления на вечере сослуживца поэта, офицера-подрывника Беркина: «У тола есть такое качество, что он не боится времени, и может... пролежать где-нибудь и все же потом взорвется. Я думаю, что и стихи Гудзенко не боятся времени...» Гудзенко сумел передать неприкрашенный окопный быт, напряженный ратный труд, которыми жили на передовой, тот клич победы, крик боли и ненависть, переполнявшие тогда каждого. «Пришла какая-то очень земная поэзия, – говорила поэтесса Маргарита Алигер, – в налипшей земле, живая, исцарапанная, и звучит это во много раз убедительнее. Здесь мы чувствуем настоящий трепет жизни, биение живого пульса». Это свойство стихов Гудзенко – чутко и обостренно воспринимать жизнь – подчеркивал и поэт Павел Антокольский: «Привлечен очень большой ответственный материал, который, как сердце, вынутое из груди человека, еще трепещет и сочится всем своим красным содержанием. И это составляет самое большое и благородное достоинство поэзии. В этих стихах биение пульса, перебои дыхания. Именно так и бьется человеческое сердце в своей сумке...»

Немного окрепнув, фронтовой поэт отправился в качестве журналиста «Комсомольской правды» на стойки разрушенного, но уже освобожденного от фашистов Сталинграда. Когда в 1943 году Семён оказался в разбитом, почти стертом с лица земли Сталинграде, он писал матери: «Я здесь в свободное время плотничаю. Это лучший отдых. Вспоминаю детство. Мастерил я лучше, чем стихи пишу...» Там он был удостоен первой военной награды – медали «За трудовую доблесть».

В сентябре 1943 добился отправки на фронт. В 1943 году ОМСБОН переформировали, и Гудзенко перевели в газету 2-го Украинского фронта «Суворовский натиск». Он работает военным корреспондентом, присоединяется к выездным редакциям газет, ездит по территории страны, как уже освобожденным, так и охваченным боями. При этом он продолжает писать стихи, создает заметки, составившие впоследствии «Армейские записные книжки». В конце войны он так писал в своей автобиографии: «Год солдат, восемь месяцев в газете, полгода в Сталинграде в редакции... Снова фронт - Трансильвания, Венгрия, Словакия. Что впереди? Трудно, но я должен довоевать...» Прошел Карпаты и Венгрию, освещал осаду и штурм Будапешта, где и встретил День Победы.

12 мая 1945 года был награждён Орденом Отечественной войны II степени. Из наградного листа, датированного 12 мая 1945 года: «Красноармеец-поэт Гудзенко С.П. принимал активное участие в освещении штурма Будапешта, находясь постоянно в штурмующих подразделениях, корреспондируя не только в газету «Суворовский натиск», но и в центральную прессу. Талантливый поэт, чьи стихи пользуются исключительным успехом среди солдат и офицеров фронта, он выполнял любые задания редакции, писал очерки о героях фронта, зарисовки, организовывал военкоровский материал, создавал актив вокруг газеты. Будучи сам солдатом – первое время участвовал в войне как десантник в тылу врага, дважды ранен, - хорошо знает жизнь солдата. Поэтому его стихи и очерки правдиво отражали жизнь людей переднего края, воспитывали в бойцах и офицерах любовь к Родине, ненависть к врагу, поднимали наступательный порыв. Красноармеец Гудзенко С.П. достоин награждения орденом Отечественной войны II степени». А до этого у него были две награды: орден «Красной Звезды» и медаль «За оборону Москвы».

После окончания Великой Отечественной войны работал корреспондентом в военной газете. Он все время в дороге: Западная Украина, Тува, Средняя Азия... Е. Долматовский: «Поэта редко можно было встретить в Москве. Его география расширялась с каждым месяцем: он был в Курской области на весенней посевной, на Украине на уборке, самолет нес его в Закарпатье, а затем в далекую Туву. И всюду происходило то же: немедленно по прибытии Гудзенко «обрастал» друзьями, читал им наизусть свои и чужие стихи, слушал и редактировал стихи начинающих, на попутной машине ехал в самую глушь, для того чтобы показать, что глуши вообще не существует... Все ему не хватало времени, чтобы оглядеть страну от края до края...» Активность натуры Семена Гудзенко врывалась в стихи, постоянно проявлялась в жизни. Любящий дальние дороги, быстро и добросердечно сходящийся с людьми, становящийся мгновенно душой того общества, в которое попал, он отличался в то же время удивительным вниманием к каждому человеку, с которым довелось соприкоснуться, всегда готов был прийти на помощь и делал это умело и просто. Е. Долматовский: «У многих поэтов поколения, к которому принадлежит Семен Гудзенко, был после войны сложный период, когда они не могли оторваться от окопных представлений о действительности, осмыслить по-новому пройденный ими жестокий путь. Они словно продолжали окопную жизнь, в то время как их сверстники уже по горло были заняты восстановлением и мирным трудом. Эта болезнь краешком коснулась и Семена Гудзенко, но он сумел скоро понять, что в судьбе страны и ровесников произошел крутой поворот и надо с той же страстью идти в мирные атаки, штурмовать послевоенные трудности...».

Первые стихи Гудзенко опубликовал в армейской печати в 1941. Первую книгу стихов «Однополчане» выпустил в 1944 году. Еще 9 апреля 1943-го Семён писал маме о готовящейся книжке: «Самое замечательное — у меня выходит в Гослитиздате книга стихов... Успех меня окрыляет, но не кружит головы — я все понимаю не очень плохо. Конечно, мне очень приятно, что в 21 год я начал свою поэтическую судьбу, и начал решительно и твердо. Не хочется думать и загадывать: а что будет дальше? Но сейчас на литературном фронте у меня наступление...» В последующие годы вышли его книги «Стихи и баллады» (1945), «После марша» (1947), «Закарпатские стихи» (1948), «Битва» (1948), «Поездка в Туву» (1949) «Дальний гарнизон. Поэма» (1953), «Новые края» (1953). «Дальний гарнизон» (1950) Наиболее значительными в творчестве Гудзенко являются его фронтовые стихи и баллады. Поэзия Гудзенко, неровная, тревожная, глубоко искренняя, — один из достоверных документов биографии того поколения молодёжи, на долю которого выпали тяжёлые испытания военного времени. В 1962 изданы «Армейские записные книжки» Гудзенко. Походные и журналистские записи поэта стали историческими документами. Содержание записей чрезвычайно разнообразно. В этом разнообразии выделяются картины западных городов — Будапешта, Вены, Праги — в первые дни после их освобождения Советской Армией и встречи в эти знаменательные дни конца 1944 — начала 1945 года со множеством людей, представителей разных военных специальностей и званий, с венграми, немцами, чехами.

Послевоенную славу Гудзенко можно было сравнить только со славой Константина Симонова или Александра Твардовского, но Семен был на целое поколение моложе. В 25 лет Гудзенко уже руководил семинарами молодых писателей. Вокруг него образовалось целое братство молодых поэтов, вернувшихся с войны. Василию Субботину — одному из поэтов этой плеяды — в последний год войны на фронте попал в руки номер журнала «Знамя», в котором было напечатано стихотворение Гудзенко «Перед атакой». «Это стихотворение, — вспоминал Субботин, — было знаменательным для всей нашей поэзии о войне. И, должно быть, влияние его сказалось на многих стихах очень многих поэтов». В Москве с успехом проходят

поэтические вечера Гудзенко. Его популярность среди молодежи огромна. Он был активно поддержан молодыми писателями на их Первом всесоюзном совещании в 1947 году.

В то же время в газете «Культура и жизнь» отнеслись к стихам Гудзенко негативно: неуместным казалось властям изображение трагичных страниц войны в период, когда вся страна радовалась победе. Его обвиняли в «дегероизации», в излишней концентрации на теме военного прошлого. Гудзенко невзлюбили литературные чиновники и партийные критики. Они говорили поэту: хватит про войну, пора воспевать пятилетки. Но уйти от темы войны поэт не мог. Даже в мирное время эта тема была для него важнейшей. Велик был след, неизмерима трагедия этого события в жизни поэта и других простых солдат, прошедших войну. Выстрелом в спину была статья в «Правде», где поэта обвинили в том, что он «не хочет видеть героических дел советского народа». Совсем еще молодой Гудзенко, даже женившись на дочке генерала армии Жадова, не мог чувствовать себя в безопасности, ведь сам его опекун-защитник Илья Эренбург был под угрозой ареста. После этого Гудзенко тяжело заболел. «Мы врага такого одолели – б его не одолеть, на войне ни разу не болели, а теперь случилось заболеть...» Война сыграла свою роковую роль как в жизни, так и в смерти поэта. Последствия контузии, полученной на фронте, медленно убивали его. Опухоль мозга... Гудзенко перенес несколько операций.

Из воспоминаний матери поэта Ольги Исаевны Гудзенко:

«...Ему очень трудно было переключиться на спокойную работу в мирных условиях, трудно было засесть за учебу, хотя он уже подал документы и был зачислен в Литературный институт имени Горького. Тяжелый, страшный, фронтовой путь. Потери товарищей, друзей, потеря родного брата на Смоленском фронте и пяти двоюродных братьев-ровесников. Единственный выход - быть на людях, делиться с ними своими думами, рассказывать о войне, о своем поколении. Лето 1951 года Семен, его жена Лариса, совсем маленькая дочь и я прожили на даче. Я разделяла с ними их большое счастье. Жили радостно. Огорчало только то, что Семен очень много работал. Сколько я ни просила, не помогало, и просьбы Ларисы не помогали. Он жил в стихах, спешил их закончить. В конце сентября у него начались головные боли. Мы вернулись домой в Москву. После первой, очень серьезной, операции поправился. Написал прекрасные стихи. Опять головные боли, вторая операция. Поправлялся медленно, был лежачим больным, писал стихи во время передышек между сильными болями. Последние стихи написал в ноябре-декабре 1952 года. Он был хорошим сыном, другим он не мог быть. Даже с фронта он старался писать по возможности чаще. Всем, всем щедро наградила природа Семена: добрым сердцем, умением любить людей, энергией, работоспособностью, хорошей внешностью и талантом - блеснул, как молния, и погас».

По воспоминаниям Евгения Долматовского, последние месяцы жизни поэта — это «новый подвиг, который по праву можно поставить рядом с подвигом Николая Островского, Александра Бойченко, Алексея Маресьева: прикованный к постели поэт, точно знающий о том, что его недуг смертелен, продолжал оставаться романтиком, солдатом и строителем. У его постели собирались друзья, чтобы говорить с ним не о недугах и лекарствах, а о борьбе вьетнамского народа за свою независимость, о строительстве на Волге и Днепре, о новых изобретениях и открытиях, и конечно, о стихах. В последние месяцы своей жизни Семен Гудзенко, уже не могший писать сам, продиктовал три стихотворения, которые, несомненно, войдут в золотой фонд советской поэзии». Он снова, как в войну, оказался на смертельном рубеже, между жизнью и смертью. Это родило высокое эмоциональное напряжение стихов, определило образный строй. Пережитое на фронте органически вплетается в эти стихи: «Жизнь мою спасали много суток в белом, как десантники, врачи»; «На

Большую землю выносили сквозь больницы глушь и белизну»; «Как без вести пропавших ждут, меня ждала жена»; «Но я, как на войне солдаты, боюсь загадывать вперед».

В перерывах между больницами он невероятно много успевал: писал стихи, переводил, выступал на вечерах, отвечал на письма, в 1951 году руководил поэтическим семинаром на II Всесоюзном совещании молодых писателей... А еще возился с маленькой дочкой Катей.

Дочку я свою назвал Катюшею
(это имя приберег с войны),
помня, как над реками, над сушею
были небеса опалены...
И она пытливо, с удивлением
из коляски смотрит на меня –
наше молодое поколение,
от рожденья сто четыре дня.

Евгений Евтушенко писал о Гудзенко: «Он был, пожалуй, самым красивым поэтом, которого я видел в живых: чернобровый, с брызжущими жизнью карими глазами. Не верилось, что такой человек может вот-вот умереть». Гудзенко умер от старых ран 12 февраля 1953 года в Институте нейрохирургии имени Н. Н. Бурденко. Ему было 30 лет! Константин Ваншенкин вспоминает морозный снежный день, похороны на Ваганьковском кладбище, а далее говорит: «Гудзенко сказал в одном из своих самых известных стихотворений: Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели... Но все равно жалко...»

Вдова поэта — Лариса Жадова впоследствии стала женой К.М. Симонова. Дочь — Екатерина Кирилловна Симонова-Гудзенко (род. 1951), историк-японист, с 2003 года заведующая кафедрой истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки при МГУ.

В 1970-е годы школьники села Крюковщина, что под Киевом, посадили возле школы сад, где каждому дереву дали имя фронтового поэта. Там росли рябина Николая Майорова, туя Павла Когана, верба Всеволода Багрицкого, береза Михаила Кульчицкого... В память о Гудзенко посадили каштан. Что сейчас с этим каштаном? А еще в Крюковщинской школе всегда с гордостью показывали гостям музей «Строка, оборванная пулей». Родные поэтов передавали туда уникальные документы и подлинные вещи.

В легендарном спектакле «Павшие и живые», поставленном в 1965 году к 20-летию Победы режиссёром московского Театра на Таганке Юрием Любимовым, главными героями были фронтовые поэты. Роль Гудзенко играл Владимир Высоцкий. Внешне они не были похожи, но Юрий Любимов верно почувствовал, что темперамент у них был один – взрывной.

В дальнейшем на своих выступлениях Высоцкий иногда читал стихи Гудзенко. Он высоко ценил фронтовую лирику поэта, считая ее одним из лучших образцов военной поэзии. Два стихотворения Семёна Гудзенко вошли в музыкально-поэтический цикл Высоцкого «Мой Гамлет», 1966-1978. В 2009 году в Малом зале санкт-петербургской Филармонии состоялась премьера кантаты на стихи поэтов-фронтовиков композитора Владиславы Малаховской. Кантата озаглавлена строчкой из «Моего поколения» Семёна Гудзенко — «Нас не нужно жалеть!» Два из шести номеров кантаты написаны на стихи Гудзенко — «Перед Атакой» и «Моё поколение».

В начале 1990-х в центре одной из столиц республик бывшего Союза радикалы блокировали военный городок ВДВ. Экстремисты не хотели ждать, когда закончатся дипломатические переговоры о выводе войск, каждый день митинговали, а забор

части разрисовали лозунгами «Оккупанты, вон!», «Чемодан, вокзал, Россия!». В ответ на фасаде солдатского клуба десантники огромными, метровыми буквами написали строку из стихотворения «Мое поколение» Семена Гудзенко: «Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты!»

Краткий срок был ему отпущен для поэтической работы. Но в богатейшей антологии поэзии, вызванной к жизни Великой Отечественной войны, его стихи составили одну из первых, очень ярких и очень важных глав. Стихи Гудзенко надолго врезались в память поколений. Память о нём будет жить столько, сколько наши соотечественники будут чтить и помнить героизм солдат, положивших жизни за родину... Нам навсегда останутся его стихи – одна из лучших иллюстраций великой трагедии народа, принесенной Великой Отечественной войной.

Библиография

Стихотворения:

- «Однополчане» (1944)
- «Стихи и баллады» (1945)
- «После марша» (1947)
- «Битва» (1948)
- «Закарпатские стихи» (1948)
- «Поездка в Туву» (1949)
- «Дальний гарнизон» (1950) поэма о буднях солдат на военной службе в Туркмении
- «Новые края» (1953)
- «Перед атакой» (1942)
- «Могила пилота» (1966)
- Мое поколение (Нас не нужно жалеть) (1945)

Мемуары

- Гудзенко С. П. Армейские записные книжки. — М.: Советский писатель, 1962. — 116 с.

**В нашей библиотеке вы можете прочитать книги Семена Гудзенко
Мы ждем вас ежедневно с 10.00 до 18.00**

При составлении были использованы материалы с сайтов:

- <https://ru.wikipedia.org>
- <https://rg.ru>
- http://vokrugknig.blogspot.com/2017/03/blog-post_5.html
- <https://www.liveinternet.ru>